

В. В. Ильин

Теория познания

Философия как оправдание абсолютов.

В поисках *causa finalis*

МОНОГРАФИЯ

КОСМОСФЕРА

АНТРОПОСФЕРА

СОЦИОСФЕРА

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

АНТРОПОДИЦЕЯ

Виктор Васильевич Ильин
Теория познания.
Философия как оправдание
абсолютов. В поисках
causa finalis. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21570572
© ООО "Проспект", электронная версия книги, 2015; 2016
ISBN 9785392191567

Аннотация

Монография посвящена проблемам оправдания исходных предельных основоположений познания. Работа представляет пятую книгу издания, задуманного как систематическое положительное изложение философской доктрины познавательной деятельности. Для специалистов в философии, методологии науки, психологии, культурологии, религиоведении.

Содержание

От автора	6
Глава I	28
Конец ознакомительного фрагмента.	55

В. В. Ильин
Теория познания.
Философия как
оправдание абсолютов.
В поисках causa finalis
Монография

«Ad majorem Julius gloriam»

... акт удивления, по-видимому, наступает тогда, когда восприятие вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий. В тех случаях, когда такой конфликт переживается остро и интенсивно, он в свою очередь оказывает сильное влияние на наш умственный мир. Развитие этого умственного мира представляет собой в известном смысле преодоление чувства удивления – непрерывное бегство от «удивительного», от «чуда».

А. Эйнштейн

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

От автора

Не следует говорить мало о том, о чем нужно говорить много. В силу линейности доказательной мысли, обеспечивающей выражаемому обязательность благодаря дискурсивной организации собственного содержания, за форматом рассмотрения остаются фундаментальные предпосылки – исходные начала, основоположения, когнитивные презумпции, пресуппозиции. Взятые в своей предельности, то есть будучи помыслены в терминах «последних, крайних, граничных» условий, пунктов, точек развертывания порождаемых ими динамических морфогенетических прогрессий, рядов, они обретают плоть идейной фигуры «первоисточного абсолютного» с характерной атрибутикой: самодостаточность, самозаконность, самостоятельность, безосновность, безусловность, безразличность, автономность, независимость, непосредственность, всеполагаемость, всепоглощаемость, отрешенность, завершенность, всецелостность, законченность, освобожденность, полнота.

Невзирая на многооттеночность цветовой гаммы философских исканий, в них позволительно выделить некий спланирующийся лейтмотив, каким оказывается охота за «устойчивым и надежным»¹. Не нарушая прав истины, со всей определенностью утвердим: *ad notam* – история фило-

софии есть история поиска абсолютов. Подкрепим высказанное многозначительными сентенциями Канта: «... то, что необходимо побуждает нас выходить за пределы опыта и всех явлений, есть безусловное, которое разум необходимо и вполне справедливо ищет в вещах самих по себе в дополнение ко всему обусловленному, требуя, таким образом, законченного ряда условий»²; и Шелера: «У человека нет выбора – формировать или не формировать у себя метафизическую идею и метафизическое чувство, то есть идею о том, что в качестве сущего, которое существует лишь посредством себя... и от которого зависит все иное сущее, лежит в основе мира и самого человека. Сознательно или бессознательно, благодаря собственным усилиям или из традиции – человек всегда необходимо имеет такого рода идею и такое чувство. Выбор у него только в том, иметь ли ему хорошую и разумную или плохую и противную разуму идею абсолютного. Но иметь сферу абсолютного бытия перед своим мыслящим сознанием – это принадлежит к сущности человека и образует вместе с самосознанием, сознанием мира, языком и совестью одну неразрывную структуру»³.

Alia initia fine – всякий конец кладет начало чему-то другому – во избежание *regressus ad indefinitum* прибегают к испытанному познавательному приему – финализации. В задачу последней входит конкретное указание на завершающую точку схождения ряда условий, знаменующую первоисточное безусловное. Доктрина располагает богатыми традиция-

ми как генерации, так и тематизации подобной продуктивной точки. Не имея возможности детализировать ретроспективу, наметим кильватер тока рефлексивной мысли, обозначающей крайние линии рассуждений.

Онтология: Лао-цзы (дао); Гераклит, стоики, Филон (логос); Филолай (беспредельное предпологающее); гностицизм, неоплатонизм, пантеизм (учение о едином); монадология (учение о всеобщей необходимости, исключаяющей возможности и вынуждающей ситуацию единственно возможного и наилучшего мира); софиология (учение о всеединстве – В. Соловьев, С. и Е. Трубецкие, Флоренский, Булгаков); христология (учение о первом лице Троицы – Боге-отце – изначальном первоначале – вседержителе).

Гносеология: Плотин, Порфирий, Прокл (экстатическое восхождение к сверхбытийному); нативизм, интуитивизм, априоризм, трансцендентализм (проскопия, интроскопия, фанероскопия, реверсия, дивинация). Здесь же – учение о премудрости божией как опосредствующем начале между богом, миром и человеком, приобщение к которому позволило тому же Булгакову высказать: «Человеческое творчество в знании... хозяйстве... культуре... искусстве софийно»⁴.

Некий синкретизм онтологической и гносеологической платформ поставляют модели эманации, панлогизма (Гегель), активизма (Фихте), самосозерцания абсолюта (Шеллинг), пропитанные пафосом философии тождества.

Оставляя за рамой анализа архаично-мистические, всецело обанкротившиеся перед лицом реальности вариации, оттолкнемся от той интригующей установки Канта, согласно которой «безусловное должно находиться не в вещах, поскольку мы их знаем, (поскольку они нам даны), а в вещах, поскольку мы их не знаем, то есть как в вещах самих по себе»⁵. На обозрении трансцендентных оснований нашего опыта специализировалась натурфилософская спекуляция в лице трех амбициозных дисциплин: рациональной онтологии (космологии) – всеобъемлющее учение о мире в себе; рациональной психологии (пневматологии) – всеобъемлющее учение о душе в себе; естественной теологии – всеобъемлющее учение о боге в себе.

Компетенции сверхопытной рафинированно отработанной Вольфом априористической метафизики серьезно поколеблены кантовой критической философией, подорвавшей технику спекулятивного умозрения, но не саму принципиальную интенцию на *causa finalis*, оправдание абсолютно-го. Можно проблематизировать частные методики внедрения, освоения предельно-безусловно-самодовлеющего, можно сомневаться в специфических возможностях отдельных сценариев укрощать сюжетику запредельного, но лишать в целом ум поисков чего-то несоизмеримого с конечными определениями познавательных устремлений недопустимо. Особенность метода философии как стилистической жанровой канвы формообразования – суть «тоска» по всеохватной

мирозначимой сфере.

Верно, человек способен «искусственно вытеснить ясное осознание этой сферы, уцепившись за чувственную оболочку мира: тогда направленность на сферу абсолютного (тем не менее. – *В.И.*!) сохраняется, сама же сфера остается пустой, лишенной определенного содержания. Но пустым тогда остается и центр духовной личности в человеке, и пустым остается его сердце»⁶.

Итак, зафиксируем: философия как метасознание, самосознание совокупной плодотворной человеческой самореализации озабочивается введением абсолютов; она предлагает слова, устанавливающие место абсолютного сущего («время», «небо», «святость» и т. п.), которое уточняется последующими словами (вариант подобного уточнения в модусе «частного выражения общими словами» – формы искусства). В противном случае – недостаток самососредоточенности, следствие влияния проходного. Тогда человек, сам того не замечая, заполняет сферу абсолютного «конечными вещами, с которыми он обходится в своей жизни так, «как если бы» они были абсолютными: так могут обходиться с деньгами, нацией, с любимым человеком. Это – фетишизм и идолопоклонничество»⁷.

Однако же не пристало высокое втискивать в прокрустово ложе низкого; жизнь не поддерживается спряганием недостойного. Впечатления нарочитости преодолеваются критикой. Человек должен научиться двум вещам: «посредством

самоанализа осознать своего «идола», занявшего... место абсолютного бытия...»; «разбить вдребезги этого идола, то есть вернуть... чрезмерно обожаемую вещь на ее относительное место в конечном мире»⁸. Тогда мысль окажется разомкнутой, душевные предвзятости снятыми, странные сближения преодоленными – состояние духа человека позволит ему беспрепятственно открывать смысл абсолютного.

Содержательное измерение философии как искание абсолютного оконтурено, остается оконтурить методическое его измерение: каким способом безусловное, абсолютное постигается?

Традиции философствования указуют на спекулятивное умозрение, падкое на произвольное (беспредметное) конструирование. Пренебрегать метафизикой – вечной проблематикой разума – невозможно, но невозможно (вследствие опыта натурфилософии) и организовывать ее трафаретно негодным способом.

Нащупывая положительную перспективу, сойдемся на том, что аргументы позитивизма, обесмысливающие искания абсолютного, не кладут конец возможности обсуждать проблему. Тем более что многие проблемы и науки, и философии, и культуры позитивистскими методами не обсуждаются.

С позиций эвристической экипировки у человека есть вполне добротные законные средства познания, дабы в строго очерчиваемых границах благочинно осваивать абсо-

лютное. Во всем богатстве духовных символических форм обособим фазисы:

- «графия» – артикуляция предметности в специализированном языке феноменологических модельно-аналоговых констатаций, нашпигованных протокольными предложениями, незатейливыми типологизациями;

- «логия» – сущностная тематизация, версификация, мыслительная проработка природы чего бы то ни было. Фокусировка на боге влечет развертывание теологии; культуре – культурологии; человеку – антропологии; мире – космологии; истории – историологии; обществе – социологии; жизни – биологии;

- «гония» – концептуализация становления, возникновения, упрочения чего бы то ни было. Центровка на боге обуславливает выстраивание теогонии; мире – космогонии; роде – антропогонии; истории – историогонии; социуме – социогонии. Есть области мысли, где крайне скуден запас полезных идей. Именно такова ситуация «гонии»: у Гесиода отмечались сложности с выводом пантеона; практически неразрешимые головоломки возникают с оформлением космо-, антропо-, историо-, социогонии. Причины – а) трудности введения исходных систем отсчета – начальных точек значимых процессов; в) препятствия налаживания проверочных экспериментов (дефицит верификации в науках палеоцикла). Как следствие – эмпирически необоснованный, неквантифицируемый характер рассуждений, качественное «плетение»

ние словес» при связанности отработанного механизма исключения рабочих абстракций;

- «софия» – головоломный метауровень, претендующий на рефлексию значения, назначения, предназначения, устремления чего бы то ни было. Определение цели, отношение к ценности для любой неживой – живой, объективной – субъективной структуры как осмысленный акт гносеологически означает полное, всестороннее критико-аналитическое обозрение ее (структуры) мировой линии с замыканием на полновесное резюмирующее квалифицирующее суждение. Локализация мировых линий, подлежащих оценке структур ввиду их нетривиальности, полифундаментальности, встроенности в бесконечные связи – всегда плод сильных и по большей части искусственных концептуальных приемов, налаживаемых употреблением принципа абстракции, абстракций отождествления, неразличимости, подменной актуально бесконечной индивидуализации тождеством и т. д. Обостряются вопросы полноты описания универсумов, адекватности их разбиения, компоновки, предпосылок справедливости условий на подстановку (зависимость полноты описаний от параметров абсолютности характера описаний – адекватность теорий оправдывается адекватностью принципов, лежащих в их основании) и т. п.

Дело приобретает трудновыразимый оборот в случае структур антропных – целе-ценностно ориентированных, идеалоемких. Обозреть мировую линию (с поправкой на ска-

занное) удается в отношении образований частичных. При жизни человека как существа целе-ценностно трансцендирующего тематизировать сюжет его назначения невозможно: мы не обременены пониманием, на что он в принципе может быть способен. Лишь когда кристаллизуются две даты с элегическим тире между ними, – по оценке (всегда неполной) наследства (от индивида) и наследия (от личности) позволено квалифицировать прожитое. Так же – в отношении структур социально-исторических. Римской империи нет – по замыканию мировой линии на две крайние точки возможно версифицировать «что Рим дал миру». Но ничего похожего недопустимо делать по поводу России, которая есть (да будет!) и которая непредсказуемым образом способна изменить и свои, и мировые линии.

Еще в большей степени дело усугубляется применительно к человечеству. Если человек для истории завершаем всегда, то человечество – никогда. Оно есть ничем не лимитируемый имперфект, уразуметь смысл, понять значение, вывести предназначение которого возможно *post factum*. Но никакого *post factum* в случае человечества нет. Мы встроены в историю и лишены способности выйти вон: позиция стороннего наблюдателя для представителя человечества по отношению к человечеству недостижима. Отсюда по части «софии» – сугубо некритическая практика, в перекрытии опыта стремящаяся овладеть трансцендентным. Таков, к слову, гегелевский социософский ортогенез, наивные

финалистские, провиденциалистские, эсхатологистские картины истории (хилиастического, коммунистического, либерально-рыночного толка).

Изложенного довольно, чтобы обратить внимание на превратности организационного оформления системно осмысленной реальности в границах «софии». С одной стороны, очарование, с другой стороны, разочарование метафизикой с неизменной беспредметностью, произвольностью. Здесь, как видно, не избежать вопроса вопросов: возможно ли логически безупречно, идейно внятно концептуализировать сверхопытное?

Если вслед за позитивизмом освободить философию из плена «тайного порыва» в гораздо более обширные и непрозрачные области опыта, нежели стандартное экспериментирование (правда, тогда не только ее, – печатью «шагать за горизонт» отмечена и строгая наука – математика, естествознание в части обработки неподатливого базальта «актуальной бесконечности», «чистого существования» и т. п.), спрашивается: как ей в горниле отчаяния и сомнения достигать понимания некоего решающе важного – добиваться ответов на «проклятые» вопросы человеческого миростроения: что есть бытие и небытие, смерть и бессмертие, высокое и низкое, корыстное и бескорыстное, греховное и праведное, человеческое и псевдочеловеческое?

Не будем эксплуатировать риторическое для очистки зерен от шелухи. Из философии (как и любой мыслительно

емкой сферы духовного) не может быть вытравлен суровый пафос абсолютного. Отработка декора вечности, безусловности, безотносительности в материале частного (эпохального) – творческая стезя философии, вступающей в опасные, но благодатные воды «восторга сопричастности», превосходящему обычную меру.

Зачастую проект дороже постройки. Легко сойдемся на том, что в разуме должно быть символическое идеально должностное (ценностно довлеющее), нацеленное на преодоление сущего. В символе абсолютное поставляется в мир вещей. Понимание этого (аутентичной природы абсолютно-символического) влечет и крайне важное практическое понимание того, что вымысел и обихоживает, и вытесняет реальность. К примеру, по идеально-символическим трактовкам справедливого, благого предпринимается фактический обсчет (калькуляция) доступа и к одному, и к другому.

По всем данным причинам, возвращаясь к ранее допущенному двусмысленному «с одной стороны», «с другой стороны», выскажемся однозначно. Ничто так не соблазняет произносить пустые слова, как отсутствие твердости, полное колебаний состояние нерешительности убеждений. «С одной стороны – с другой стороны», – стилистически инертная, эвристически дутая фигура; последовательно продуманное метафилософское рассуждение о философии не предоставляет какого-то шанса, – должна оставаться либо одна, ли-

бо никакой стороны. Невзирая на юмовско-позитивистскую критику, философская метафизика вечна: она олицетворяет коренящиеся в разуме потребности отыскивать звезды в «мглистой лазури неба» и потому представлять перед Вечно – Высоким – от имени его воплощений.

Если «историю» не уподобливать «памяти», должна быть полноценная и полноправная версия пробивания мысли к *finis ultimus*, говоря прямо, всякая серьезная философия обязана слагать глубокую историю: относительно бога – «теософию»; истории – «историософию»; рода – «антропософию»; общества – «социософию»; культуры – «культурософию»; космоса – «космософию». Предел мечтаний проекта «софия» – поставить серьезный сценарий смысла, устремления, направленности, линий движения миро-, жизне-, социозодчества (молчаливая весомость мысли релевантна в полной мере безличному, но не безразличному миру, ситуация в котором в терминах природознания концептуализируется ресурсом антропного принципа).

В таком курсе видение «софия» пребывает неким оправданием трансцендирующего абсолютного, взятого не статически, а динамически – под фирмой не *cruх stat*, но *dum volvitur orbis*. Спроецированная на полноту философских занятий подобная трактовка обязывает понимать философию как последовательное углубление темы «предельное» в модусе «избавление от ржавчины места и времени» в языке не эзотерической тоталологии, а идеалологии.

Живое причастие трансцендирующему первоисточному в вещном обретается

– **Технически:**

а) установлением символически пограничного, ценностно предельного в деятельностном – проработка статуса базовых начал духовного, практически-духовного, практического;

в) на базе (а) установлением символической пограничности, ценностной предельности самого деятельностного – проработка статуса человеческой миссии, объективируемой в духовном, практически-духовном, практическом;

с) на базе (а, в) установлением устойчивого в изменчивом, инвариантного в вариантном (абсолютного в относительном) – перипетиях общеродового духовного, практически-духовного, практического деятельностного по реализации собственной интимной миссии.

Способ уберечься от производства *fata morgana* в философии – вычленение непреходящего в вершении истории, самоосуществлении.

В немногих словах уточним: высшая возможность постичь абсолютное – не озарение, а выявление полноты значений фундаментальных целе-ценностных интенций процессов. Скажем, абсолютное в знании – достоверность, конденсация истины в доказательном познании. Абсолютное в праве – гарантийность обмена деятельностью, равнопартнерство сосуществования. Абсолютное в морали, нрав-

ственности – человечность общения не по корысти (благо-разумный расчет), а по «целесообразности без цели», благо-родному решению «не могу иначе», внутренней потребности души, автономии духа.

При въедливом наблюдении, следовательно, в каждом ка-питальном процессе из самой техники его самоосуществле-ния – в просматривании движения от одной фазы к дру-гой с рефлексией панорамы внутренней динамики – позво-лительно обособливать некое архетипическое. Не в редак-ции «предзаложенность», как у Мора: Утоп исключал ве-ру, будто «мир несется наудачу, не управляемый провиде-нием»⁹, но в редакции «реперы складывания» (в результате нарушения состояний равновесия в собственных колеба-ниях) тех или иных универсумов. Применительно к неорганике возникает задача прояснить причины структурной устой-чивости вещества во Вселенной (статус фундаменталь-ных физических констант – ФФК). Применительно к орга-нике представляет задачу прояснить причины саморегуля-ции, эквифинальности, целесообразности. Применительно к надорганике осознается задача прояснить причины гумани-тарности (статус фундаментальных социальных – симво-лических – констант – ФСК), трактуемой как свободное разворачивание человеческих сущностных сил.

Трудно найти лучшее завершение «технической» части как адресоваться к той мысли, что сверхопытное в проек-те «софия» никоим образом не корреспондирует «трансцен-

дентному» (имплицитующему порочное спекулятивное); оно корреспондирует «сверхэмпирическому», кристаллизуемому не во временном, а во временном общеродовом проявлении разума. Как подчеркивает Шелер, «мы вынуждены отнести сферы бытия, существующие независимо от кратковременно живущего человека, к актам единого надиндивидуального духа... который деятельно проявляет себя в человеке и посредством него растет»¹⁰.

– Интенционально:

а) философское оправдание абсолютного кладет себя на алтарь не «поэзиса» (сочинительство), но «диайрезиса» – рефлексивной категорологии – уяснение содержательных кумуляций в понятийных схемах умственного развития;

в) как отмечалось, способность постичь «предельное» – не озарение, но уловление принципов, законов созидания и устройства сущего в движении от несуществующего к могущему оказаться существующим и действительно существующему;

с) категоризация перехода возможного в действительное в объективном процессе (природе и целеполагающей деятельности) протекает как установление вербального и субстантивного – предикативного и абсолютного – значения в череде артикулируемых законов, отнесений к ценностям.

Сущее обретает бытие по фюсису (природа); номосу (установление); выверенному креатусу (через преференции, обуславливающие действия, побуждения менять обстоя-

тельства). Линия осознания складывания сущего на природно-деятельной основе транспонируется доктринами космо-, антропо-, культуро-, историко-, социософии, утрирующими непреходящее: каждое временное бытие обременено вечностью, вступающей в образе сознания ценности. Как высказывает Виндельбанд, «тогда отпадает... незначительное, существование со всеми его интересами, основанными на временном ходе вещей, и нечто общезначимое, сверхиндивидуальное поднимается из глубин... жизни»¹¹.

Загадка «софии» – загадка возрождения, и состоит она в забвении частного: «до тех пор, пока причины моего мышления, чувствования, воления коренятся в определенной временем индивидуальности, они сливаются с шумом вещей; но как только их основой становится сознание общезначимости, они поднимаются из темного хаоса времени в эфир вечности»¹².

– **Креативно:**

а) «Бог ждет от человека творческого акта как ответа человека на творческий акт бога»¹³, – говорит Бердяев. Человек как существо самосозидающееся, самопреобразующееся, самопреодолевающееся совершается в творчестве, проясняя «богоподобие»¹⁴;

в) «чтость вещей, полагаемая в идее, есть сущность», – утверждает Гуссерль. Человеческое творение сущего соотнобразует с идейно-символическим эссенциальным,

оказывающимся антиципирующим будирующим реального;

с) «мысль есть самообнаружение реальности», – высказывает Франк. В контексте не интуитивистского, а креационистского прочтения, соображение приобретает вид: всякое предметное бытие как внутреннего, так и внешнего мира следует соотносить с человеческим (наука – геоцентрична, созидание среды обитания – антропоцентрично). Как верно отмечает Шелер, «все формы бытия зависят от бытия человека. Весь предметный мир и способы его бытия не есть «бытие в себе», но есть встречный набросок, «срез» этого бытия в себе, соразмерный общей духовной и телесной организации человека»¹⁵. (Этим – очередное подчеркивание, – современная метафизика суть не космология, не теология, но культуро-, историко-, социо-, антропология).

Реальное – подобное символического (самоочевидность обратного не допускает, однако, наивно реалистического прочтения), – упрочается в опосредствующей сетке реифицирующих преобразований подобия. Учитывая, что человекоосваемая реальность есть средоточие объективаций человеческих замыслов (моделей), приходится отдавать должное платонизму, настаивающему на соответствии брэнного (тленного, тварного) эйдетическому. «Подобное» – имеющее касательство к символической форме высшего, – резонансно «единому»; «неподобное» – «иному», что в аретологических сближениях получает трактовку: подобное – гармоничное (в чем влияние абсолютного сказывается

изнутри созидания реалий), благое; неподобное – дисгармоничное, несправедливое.

В креатологической плоскости человеческая богоподобность (сотворенность по «образу и подобию») привносит лейтмотив миметического: уподобленность одного другому удовлетворяется высотой, благообразностью целей, усилий мирозидания, соответственных, совершенному, символически каноническому (царству эйдосов – платонизм, эстетическим идеалам – эстетизм («прекрасное» классицизма)).

Резюмирование сути, зафиксированной в обозначенных трех моментах, отклоняет идею гомотетии, которая характеризует операции преобразования многообразий через постановку в соответствие некоторым сущностям их однопорядковых контрагентов (при строгих процедурах связываемых коэффициентом подобия). Стандартные преобразования подобия в математике обобщаются теорией аффинных преобразований, стандартные преобразования в деятельности по схемам «цель – средство – результат», «модель – воплощение», «замысел – претворение» обобщаются теорией родового призвания: в опоре на деятельность (становящейся планетарной силой) человечество творит сущее «по образу и подобию», – то есть целерационально, руководствуясь высшими, абсолютными символами ценного, идеального.

Сказанное прямоком ведет нас в сердцевину вопроса: сценическая сверхзадача неспекулятивной метафизики – искус-

ство гомотетии.

Философ – не виртуоз, а законодатель человеческого разума. Будучи таковым, он вынужден осваивать искусство преобразований – уподобления сущего символически абсолютному. Философия вырастает из невозможности реальной жизни. Решая проблему «что есть мир», философ разворачивает не натурфилософскую, а антропософскую сценографию человекообразного мира, в котором – без побочных умствований – можно жить «по-людски» (каждый эпохальный отрезок существования взывает аутентичной тематизации сути последнего). Прекрасно об этом – у Фета:

Хоть не вечен человек,

То, что вечно, – человечно.

Открывательная человекообразовательная функция отдаст решительное предпочтение антропософии перед натурфилософией, задает исследовательский фронт «софии» как техники вычленения, «законченного ряда условий». Граница спекулятивного – неспекулятивного обозначается твердо и четко: по отношению к совокупному антропному процессу, рукотворению.

Традиционная метафизика точна, пока не ссылается на реалии; нетрадиционная метафизика точна, пока на реалии ссылается.

Consummatum est: смысл человечества выводим не извне, а изнутри его бытия – через фиксацию капитальных для него

ценностей. К ним, как минимум, относятся продление существования и обретение совершенного существования. Тематизация предмета подводит к убеждению: нетрадиционная метафизика оказывается не только антропологичным, но и аксиологичным знанием; *in puncto puncti*, она является универсальной теорией ценностей жизни. Так как ценность человека, лишь интенция на человеческую ценность делает жизнь ценной; ценность жизни – в воплощенности в ней фундаментальных социальных констант: гуманитарных символических абсолютов.

Цена, смысл, назначение человечества (истории, культуры, общества) уясняются погружением в стихию актуального вершения жизни, устройства сущего. Смысл бытия – само бытие. Оно, быть может, трудно выносимо – неизвестность самопроизвольности вселяет ужас, но этот ужас все-таки предпочтительнее кошмара неизбежности существования. Лучшее и худшее в нас – не от запрограммированности, а от нас самих. Наш бог – бег. Не по проторенной колее, тем не менее и не как попало, – с оглядкой на разумное, доброе, вечное, посеянное в веках, – осуществляем мы бег свой в незнание грядущее.

«Живешь, смотришь на людей, и сердце должно либо разорваться, либо превратиться в лед», – печалился Шамфор. Лamentация лишается привкуса драматического, если представить, что дело человека связано с его назначением. Такой поворот требует принятия базового рамочного усло-

вия в качестве предпосылки размышления. Разумеется допущение унитарности всемирно-исторического процесса.

Если руководствоваться единственно приемлемой для нас сравнительно-аналитической точкой зрения и выводить значение человечества из самого факта человечности, объективного существа человека, надлежит перво – наперво оговорить исходное. Исходное же – двуединый вопрос единства истории и ее факторов. В отношении первого признаем: мы – последовательные, убежденные адепты естественноисторического монизма. История едина; ее унитарность – в объективно-эволюционном происхождении. В отношении второго уточним: опять-таки мы остаемся апологами естественноисторичности. Говоря откровенно, нам никогда не была близка вероучительная схема Августина-Ясперса, усматривающая единство истории в мистериях творения богом человека и грехопадения. Сверхъестественное наделяет смыслом, означает нечто лишь для субъекта, потерявшего вкус к разуму. Те же, на кого не действует фидеистическая установка, принимают в расчет мир не как фантазм, но как данность.

Человек как существо самоценное есть предмет, бытие которого само по себе есть цель, он есть сущее для себя; остальное все – его обслуживающее. С данных позиций не человек – креатура бога, а бог – креатура человека. Вникнуть в судьбу человека позволяет не сакрализация, а взвешенная динамическая натурализация – прослеживание

упрочения человека разумного. Подпочва единства истории – не священнодействие, задающее тривиально чудотворный ряд: творение – грехопадение – воплощение – искупление – воскресение; ось жизни в ином – достойном движении к материальной и духовной раскрепощенности, полноте самореализации через социальный и экзистенциальный прогресс, восхождение к гуманитарно высокому.

Творец сущего имеет судьбу субстанции. Традиционная метафизика наделяла данной судьбой бога, в оправдание его деяний разворачивала теодицею. Нетрадиционная метафизика, не могущая быть креатологией и только могущая быть «метаантропологией акта»¹⁶, в оправдании «дел преобразовательных славных» разворачивает антроподицею. Человеческая история перестает быть историей придания «смысла бессмысленному» (Лессинг) – потусторонний всемогущий вседержитель вполне способен обойтись без зеркальной несовершенной копии (а как иначе? – каждый вслед за Шеллером вправе обострить: «Если бог всемогущ и всезначим, как же он мог сотворить такого разорванного человека, как Я?»¹⁷). Откуда следует: вникнуть в судьбу сущего, его назначение предполагает выработать серьезную версию его самостановления вплоть до высшей сферы мироздания – упрочения *Номо sapiens*. Приступая к эскизу такой версии (сплывающей «гонию» и «софию»), оттолкнемся от соображений эволюционно-исторических.

Глава I

Космосфера

Капитальнейшая проблема ищущего ума – проблема формо- и структурообразования в мире. Ход морфогенеза во многом не прояснен и поныне. Как идут цепные реакции усложнения? Как строится целое из частей? Как работает эволюционная фабрика действительности? Данные и однопорядковые им вопросы не дают покоя людям, начиная с древности. Античные мудрецы проблеме возникновения мирового порядка (космоса) из хаоса толковали как проблему архе: космос с помощью логики выстраивался из мысли, из некоего предельного сущностного, устойчивого, автономного основания – непреходящего в чередѐ вещей, порождающего наблюдаемое предметное много- и разнообразие. Архе и есть подобное первоначальное основание, ответственное за происхождение сущего.

Программа архе исторически реализовалась в двух вариантах: субстратном и субстанциальном. Первый сводился к отождествлению основоположного с конкретной природной стихией («вода», «воздух», «огонь» и т. п.); второй в трактовке начального исключал предметную привязку: основа рассматривалась фактурно неспецифицированным сущностным (апейрон, гомеомерии, бог). Концептуаль-

ное преимущество второго толкования – универсальность, абстрактность, избегающая искусственных, вычурных схем сведения и выведения реального мира из отдельных его компонентов. Последнее вслед за Анаксимандром, вероятно, уже четко осознавал Ксенофан, предложивший пантеистическую картину действительности.

В постантичную эпоху субстанциальный подход, окончательно вытеснив субстратный, утвердился в философии в качестве всеобщего. Средневековье, Новое время породили многочисленные редакции онтологии, не выходявшие за рамки ее прочтения как компендия данных о свойствах бытия, атрибутах мироздания. Кульминация линии (через Декарта и картезианцев, Лейбница и лейбницеанцев) – натурфилософия Вольфа и его эпигонов (вплоть до Рихтера, Эшенмайера, Кильмейера), выявлявших скрытые качества, тайные силы вещей.

Позитивная роль философской онтологии (натурфилософии) в истории определялась самим ее назначением: стремлением теоретизировать по поводу фактов на эмпирической стадии науки, когда наука (ввиду неразвитости) не могла справиться с этой задачей.

Подмена натурфилософией теоретического знания, однако к рубежу XIX столетия, выглядя полным анахронизмом, приняла весьма одиозную форму противопоставления опытного и сверхопытного исследования. В четком, императивном плане альтернативу «научная эмпирия – натурфилософ-

ская теория» сформулировал Шеллинг, утвердивший: «Да будет вражда между философией и наукой». Набирающий силу, день ото дня крепнущий положительный опыт, однако нещадно разоблачал беспредметность, иллюзорность, несообразность, предвзятость фантастических натурфилософских конструкций. Общий дух неприятия естественно-научной интеллигенцией натурфилософских претензий на подмену науки выразил Берцелиус, который, отмечая профессиональную некомпетентность натурфилософов, рекомендовал: «Современным натурфилософам следовало бы в собственных интересах касаться лишь вопросов, стоящих вне контроля естествоиспытателей».

Благотворный позитивный прогресс предметной науки, разрушив натурфилософию как модус исканий, поставил под сомнение значимость спекулятивной онтологии – умозрительной доктрины миростроя. При соответствующей развитости научного интеллекта необходимость в какой-то наднаучной теории бытия отпала. Тем не менее онтология в философии сохранилась. Сохранилась под фирмой не натурфилософии, но специфической теории бытия, вводящей образ реальности, с которой коррелируются предметоориентированные конструкции ищущего интеллекта. Выразимся тщательнее.

Содержание духовной (предметной) сферы относится к мыслимому, а не натурно существующему. «Бытие» само по себе не есть предмет осязаемый, реальный; оно не сооб-

щает материального (фактического) существования. Между тем в рассуждениях на абстрактно-концептуальном уровне «бытие» через набор субстантивных постулатов, постулатов значения вводится, приписывается. Так говорится о кварках, партонах, фридмонах, планкеонах, гравитонах, тахионах, торсионных полях и т. п. как о неких сущностях, наделёемых существованием. В «чистом», наиболее отрешённом, достаточно произвольном виде существование задаётся в математике и логике. Излишне доказывать, что изучающие возможные миры и опирающиеся при этом на аксиоматику указанные дисциплины зачастую никак не соотносятся с вещным натурно-практическим миром (нормированное пространство, где «нормируемость» равносильна наличию выпуклой ограниченной окрестности нуля).

В когнициях, очевидно, оценивается не подлинный реальный мир, а некие его состояния, выражаемые в значимых для опыта понятиях. «Бытие есть понятие, а не существование», – настаивает Бердяев, борясь с натуралистической метафизикой, которая объективирует и гипостазирует процессы мысли, «выбрасывая их вовне и принимая их за «объективные» реальности»¹⁸.

Представляющие предмет бердяевской критики «объективация», «гипостазирование» осмысливаются Фуко под фирмой «интерпретация». Интерпретация, отмечает он, никогда не может завершиться. Это потому, что не существует никакого «интерпретируемого»: «Не существует ничего аб-

солютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков. Если угодно, не существует никакого *interpretandum*, которое не было уже *interpretans*. В интерпретации устанавливается скорее не отношение разъяснения, а отношение принуждения. Интерпретация не поясняет некий предмет, подлежащий интерпретированию и ей якобы пассивно отдающийся, она может лишь насильственно овладеть уже имеющейся интерпретацией и должна ее ниспровергнуть, перевернуть, сокрушить... Интерпретируется не то, что есть в означаемом, но, по сути дела, следующее: кто именно осуществил интерпретацию. Основное в интерпретации – сам интерпретатор...»¹⁹ (Сравнивая с высказанными ранее соображениями о символическом конструировании мира через выстраивание сценографий, социально конституируемых онтологий реальности²⁰).

Используя мысль Бруно, применительно к бытию можно сказать так: бытие есть то, чем оно может быть, но не все то, чем оно может быть. «Бытие» в философии есть систематический свод идей о сущем, распадающемся на модусы: бытие в себе, бытие для себя, бытие для другого²¹.

Различные модусы бытия имеют различное рефлексивное воплощение. Бытие, взятое с позиций «возможного», осваи-

вает наука, не изучающая реально данного мира. Мир науки – рационализированный, препарированный мыслью мир, не совпадающий с неразвивающимся по *ratio* своим объективным *alter ego*. Невозможное – невозможно в науке, но возможно в жизни. Недопустимое исключено в знании, но допустимо в опыте. Применяя слог Бакунина, можно сказать: наука беднее действительности, трепещущей нерациональной реальностью и индивидуальностью.

Бытие, взятое с позиций «сущего», осваивает опирающаяся на чувство жизни, здравый смысл, народную волю политика.

Бытие, взятое с позиций «должного», осваивает деонтология, дидактика, усилиями пророков, пастырей, вероучителей назидаящая о совершенной жизни.

Бытие, взятое с позиций субъективно вероятного (по Аристотелю, «невозможное вероятное», «невозможное, но кажущееся вероятным», которое предпочитается «возможному, не вызывающему доверия»), составляющего материю миметического художественного образа, соотносимого с типическими предпосылками перехода возможного в действительное, осваивает искусство²².

Объединяющим для данных модусов бытия выступает основание существования: в противоположность «царству теней» многообразные формы бытия признаются существующими. Существование, как видно, относится к числу философских концептов сложного состава.

Применительно к философскому конституированию бытия в общем случае разворачиваются программы трансцендентального (имманентного), экзистенциального (антропного), материального (объективного) существования. О первых двух речь шла ранее²³. О третьем выскажемся в этом месте.

Доктрина материального бытия исходит из вполне объективно независимого от людей существования мира как совокупного универсума вещей, форм, процессов, удовлетворяющих собственной предметной логике развития и осваиваемых человеческой деятельностью. Главное здесь – разведение *res cogitans* и *res extensa*, бытия предметно-вещного и духовно-мыслительного, выстраивание некоей иерархии существования: дабы символы воспринимались как заместители, а не сами реальности, полагается исходное наличие материального, из коего иные виды бытия (в первую очередь идеальное) впоследствии каким-то способом проистекают. Гранит рассуждения, следовательно, – полагание вещности самой по себе в качестве собственной ее атрибуции. Ассоциированное понятие указанной вещности безотносительно к предметным изображениям, интерпретациям, объективациям и есть «бытие» в философской традиции объективизма (материализма).

Нельзя не видеть, что рассмотренная под данным углом зрения – в ракурсе сущего как такового – материалистическая категория бытия предельно абстрактна, отвлеченна.

Необходимость ее содержательной детализации (спецификация форм, отношений, свойств, признаков бытия) наряду с недопущением скандала для философии принимать на веру существование вещей вне нас (аргумент трансцендентализма) предполагает развитие всестороннего доказательства объективности бытия в многомерности его проявлений. Такого рода доказательство отрабатывается в учении о единстве мира и естественноисторической объективной его эволюции.

«Бытие» выражает идею существования. «Материальное бытие» воплощает идею объективно-вещного, предметно-действительного, реально-природного существования. Общие качества последнего фиксируются концепцией субстанции.

На профессиональном языке субстанция есть всепорождающая основа – первоначало. Субстанция – причина самой себя (принцип *causa sui*), вместе с тем – источник разнокачественности, вещественной многообразности. Введением понятия материи как субстанции решаются доктринальные проблемы: а) единства мира – унитарность существующего определяется общим базисом существования; в) концептуального монизма – многообразие существующего выводится из модификации единой основы; с) богатства форм мира – многоликость действительности обусловлена имманентной эволюцией – естественноисторическим процессом, качественным изменением, трансформацией организации об-

щей основы.

Материя не хаотична; имеет разветвленное внутреннее строение. Материя «вообще» – высочайшего порядка абстракция. В действительности она представлена естественной иерархией, компонентами, фрагментами которой выступают качественно несводимые друг к другу системные уровни. Богатство материальных форм исчерпывают ареалы микро-, макро-, мегамира, связанные каузально. Естественная иерархия материальных систем передается известной картиной уровней организации

Природа

Неорганика	Органика
субатомный	доклеточный
атомный	клеточный
молекулярный	многоклеточный
макротелесный	организменный
планетарный	популяционный
планетно-системный	видовой
галактический	биоценотический
метагалактический	биогеоценотический

Концептуализация первоначала в терминах «логии» выгодно отличает подход объективизма от уныло фидеистических подходов трансцендентализма, платонизма, теизма (христианства). Трансцендентализм (Эмерсон, Торо, Фуллер, Паркер, Хедж и др.), постулируя абсолютное, по существу отказывается от перспективы его познавательного освоения, уповает на интуицию, фантазию. Платонизм (специализирующийся на доктринальной проработке вопросов первоначала средний платонизм) ограничивается триадической моделью: «нус – псухе – космос». Плотин толкует элементы триады «начальными ипостасями», Порфирий заменяет «начальный» на эпитеты «совершенный», «целостный». В теизме (христианство) члены триады обретают индивидуализацию – равноправные, безличностные элементы трансформируются в персонифицированные компоненты Троицы.

Рациональное преимущество объективизма перед указанными доктринальными линиями – соответствие эпистемологическому показателю научности – дискурсивности. Между тем данное преимущество мало-помалу утрачивается при переходе к «гонии».

Как отмечалось, ахиллесова пята морфогенетических моделей – введение исходных систем отсчета.

Декларативность, – сознание именно этого не отпускает в оценке базовых допущений при введении точки «0» – начала координат космологических штудий. Налет какой-то аналогичности отличает разработку следующих моментов:

1. Исходный пункт становления Вселенной. Им считается сингулярность – особое состояние, в котором материя упакована в суперпакет с бесконечной плотностью и кривизной. Для выхода из последнего по соображениям Канта-Лапласа допускается динамический эффект: силы отталкивания, перекрывая силы притяжения, провоцируют Большой взрыв с неизбежным входом в нестационарность. Верификационная база конструкции:

а) космологическое расширение (концептуализируемое моделями Фридмана, Леметра, Эйнштейна и де Ситтера (1932 г.) и др.), – эффект Доплера;

в) реликтовое излучение – фоновое космическое излучение, спектр которого сопоставим со спектром абсолютно черного тела $ct=3k$. Концептуализация: вначале Вселенная плотна, горяча, пребывает в состоянии плазмы. По мере охлаждения плазмы, непрозрачной для электронного излучения, когда температура достигает фиксированных значений, плотность $\rho_0 \approx 10\text{--}20$ г/см³, плазма оказывается прозрачной для электронного излучения, которое вырывается за пределы особой точки (около 10 млрд лет назад) и улавливается эмпирически.

2. Базовые параметры исходных состояний. То, что мир имеет специфические структурные свойства, обусловлено:

а) барионной асимметрией Вселенной – превалированием вещества (барионов) над антивеществом (антибарионов), частиц над античастицами. Вопрос: почему в нашем вселен-

ском локале реализовались (целесообразные) условия мира (тяжелых элементарных частиц с полуцелым спином и массой, не меньшей массы протона – нуклоны, гипероны, резонансы), а не антимира, – остается без ответа;

в) статусом ФФК – совершенно определенным номиналом универсальных, мировых физических постоянных (гравитационная постоянная, постоянная Планка, скорость света и др.). Значения ФФК – эмпирические; теория не индуцирует необходимости каких бы то ни было количественных параметров. Между тем, если номиналы ФФК трансформировать, мир утратит известные принципиальные свойства. Вопрос: почему в нашем вселенском локале упрочились именно такие (целесообразные) условия мира – остается без ответа;

с) характером геообстановки, зависящем, скажем, от

- альбедо – способность поверхности Земли отражать падающий на нее поток электромагнитного излучения (показатель альбедо – отношение отраженного потока к падающему);

- концентрации кислорода в атмосфере (21 %): если бы концентрация его в газовой среде вокруг Земли была ниже 10 %, горение было бы невозможным; если бы таковая концентрация составляла 25 %, все выгорело бы. (Соответственно – показатель влажности: если влажность превышала бы некую величину, ничто не горело бы). Вопрос: почему в нашем геолокале отработались совершенно определенные (це-

лесообразные) стандарты некоторых базовых параметров, – остается без ответа.

Из движения в дилемме «естественный отбор-план» выходит тень телеологии, – Вселенная, Земля представляют собой регулируемые системы, ведущие себя наподобие артефактов; они уникальны и, будучи таковыми, не могут являться продуктами естественноисторического развития.

Оставляя до времени рефлексии темы, обратим внимание на доктринальную непроясненность фазового перехода от неорганического универсума к органическому. Скачок из неживого в живое в терминах науки осмысливается под фирмой создания условий трансформации кристаллических структур, удовлетворяющих требованию симметрии правого и левого, к некристаллическим структурам, удовлетворяющим требованию киральной чистоты, – нарушению симметрии правого и левого. Капитальная атрибутика, жизни – обмен веществ, раздражимость, приспособляемость, саморегулируемость, репродуцируемость, упорядочиваемость и т. п. – крепится на подрыве некоторых типов инвариантности относительно неких преобразований на молекулярном и морфологическом уровнях структурной организации.

Каков эволюционный путь от кристаллических решеток (равновесные состояния твердых тел с симметричным строением) к нестационарным, неравновесным, нелинейным самоорганизующимся несимметричным структурам, – во многом покрыто мраком (определенные светлые пятна в сумрач-

ную картину рассматриваемого фазового перехода привносит прогресс теории диссипативных систем, синергетики).

Не лишена проблемности и ситуация с толкованием опорных концептов в органике. Суть в том, что уровень достигнутого понимания эвристического потенциала когниций не соответствует действительной природе отображаемых ими явлений. Простор для довольно острых постановок обеспечивают:

3. Сущность жизни. Лакуны в непосредственной предикации «живого»: как эффективно ввести демаркацию «живое – неживое», чтобы прояснить статус тех же вирусов, вне клеток живого не отвечающих критериологии живого (отсутствие метаболизма, прогрессии размножения и др.).

4. Складывание условий живого – температурный, водный, солевой режим; упорядоченность на молекулярном уровне; созидание порядка из хаоса; противодействие возрастанию энтропии; оформление биосферы.

5. Рычаги эволюции. Фигура «творческая роль естественного отбора», наращивающая целесообразное, жизненные кондиции организмов, преобразующая популяции, стимулирующая видообразование, с гносеологической точки зрения является абстракцией-тропом, которую по всем правилам логико-методологической культуры требуется исключать. Между тем эксплицитных механизмов этого не имеется. (Неудовлетворенность представителей научного сообщества указанным положениям дел индуцирует, с одной сторо-

ны, виталистическую (аристогенез, автогенез, психоламаркизм, ортоламаркизм с допущением аристокенов, энтелехии), а, с другой стороны, номогенетическую парадигму).

б. Цефализация – немотивированная ходом естественно-го отбора особенность усложняющегося живого (косвенно свидетельствующая, что жизнь – больше, чем сочетание химических веществ).

Философию Ортега называет синонимом «теоретического героизма». Поистине героических усилий востребует от философствующей мысли доктринальная задача осмысления фазового перехода от органики к надорганике. Вероятность (подсчитываемая И.С. Шкловским) складывания в космосе (и Земле) благоприятных (целесообразных) физико-биологических кондиций кристаллизации разумной жизни мизерна (что навеивает телеологическую позицию). Это объективное обстоятельство усугубляется рядом субъективных, к которым относится неразвитость наук о человеке палеоцикла (палеолингвистика, палеосоциология, палеопсихология, палеогносеология), по сию пору не увязывающих происходящее в 4 антропосозидающих отсеках – сознание, социальность, материальное воспроизводство, языковая коммуникация (на 4 основополагающих эволюционных интервалах – австралопитеки, архантропы, палеоантропы, неандертальцы), – в своем взаимоусиливающем синкресисе стимулирующих формирование *Homo significas, homo socialis, homo habilis, homo cogitans*²⁴.

Услужливая реминисценция указывает на следующие головоломки, препятствующие возможности толковать надорганику как точно очерченное явление.

7. Механизм преобразования инстинктивно-рефлексного поведения животных в социальносознательное действие человека. Между одним и другим – пропасть. Попытка перескочить ее связующим понятием-медиатором «орудийная деятельность животных» успехом не увенчалась. Суть в том, что понятие это сугубо метафорическое. Полноценная орудийная деятельность наблюдается на стадии гоминид, предполагает наличие целесообразного, результативного, кооперативного труда, чуждого животному царству. Спорадическое применение предметов как орудий, оптимизирующих возможности естественных органов, у животных не удастся вполне расценить как собственно орудийную (трудовую) активность:

а) действия животных рефлексны, инстинктивны, изначально запрограммированы, нелабильны;

в) у животных проявляется специфическая морфологическая закреплённость рабочих операций, сдерживающих их поступательное развитие;

с) имеется жесткая специализация (наследственная, эволюционная) особей на выполнение тех или других функций при их разделении;

д) использование животными фрагментов мира как орудий не регулярно, случайно.

Ничего подобного в реальном трудовом процессе не наблюдается.

8. Невзирая на отдельные прорывы к ясному, тем не менее правильно признать: на вопрос – является ли мышление древних гоминид животнo-рассудочным или человеко-разумным, точного ответа (пока!) не существует. С должной мерой уверенности удастся констатировать лишь некие выраженные особенности архаичной ментальности, к коим относятся: конкретность, ситуативность, диффузность, аморфность понятий, их неизбежное прораствание друг в друга (причина – организация психического по принципу проб и ошибок, препятствующая налаживанию сцепки первых слов, выражающих эмоциональные состояния, с возникающими понятиями), ассоциативность. (Относительно сознания, которое не в организме, а в деятельности, то уровень его продвинутости регистрируется опосредованно: по данным этнологии, зоопсихологии, социобиологии (исследования зачатков мыслительных актов у животных, аналитика популяционных связей); реконструкции ментальности ископаемых гоминид через исследование динамики морфологических структур и их функционального толкования; археологии – интерпретация останков культуры, увязывающая характер материального протекания порождающей деятельности с потенциальной ее мыслительной атрибутикой).

9. Вызревание социальности. Ограничимся фиксацией двух объяснительных формул природы кооперации индиви-

дов. Одна упирает на индивидуализацию сильных, выводя иерархию из эгоистического начала, соперничества, фактора страха. Другая выделяет прямо противоположное (эгоистическому) альтруистическое начало, связывая координацию и субординацию в обмене деятельностью (без чего нет социальности) с системой сотрудничества, взаимопомощи, взаимоподдержки в коллективе. (Полагаем, проработка проблемы не стимулируется решением альтернативным при желании опираться на твердую почву фактов. В групповой жизни рельефно проступают черты как эгоизма, так и альтруизма. Имеются крайне сильные эгоистические инстинкты самосохранения индивида (синдром Нарцисса), прорежения популяции (синдром Сатурна – самоистребление при популяционной перегрузке), но существуют и не менее сильные альтруистические инстинкты сохранения генома, потомства, соплеменников (коллективно санкционируемые формы забот при двуполом общении о половых партнерах, детях, друг друге)). Коль скоро это так, контур социальности в виде самой структуры иерархии в сообществе прямолинейно не выводится ни из эгоизма, ни из альтруизма.

10. Параллелизм морфофизиологического и психического развития. Общно-общинный тип существования архаичного предка человека обусловил складывание наиндивидуального механизма переработки и хранения коллективного опыта, являющегося достоянием всех и устойчивого относительно перипетий судьбы каждого. Главное – гибель инди-

вида перестала влечь гибель плодов его усилий. Исходная синкретичность самоутверждения распалась на собственно активность и наследие. Наследие, в некотором смысле автономизируясь, стало жить самостоятельной, отчужденной от его создателя («автора») жизнью. Социальность, следовательно, стоит у истоков совершенно особого модуса бытия – коллективно производимой духовно-поведенческой формации, обуславливающей форму взаимообработки особями друг друга.

К последнему приурочен вполне конкретный потенциал сознательности – способность на основе групповых понятий (в том числе самых элементарных) строить антиципирующие схемы потребного будущего. Эти схемы непосредственно обслуживают воспроизводственный процесс, распадающийся на материальное, кровнородственное и духовное воспроизводство. Первое – хозяйственное жизнеобеспечение; второе – демографическое жизнеобеспечение; третье – идеально-ценностная канва, культово-символическое, регламентарное жизнеобеспечение.

Весь строй взаимодействий в группе поддерживается универсальным средством межиндивидной коммуникации – языком, материальное проявление которого – физико-физиологический процесс вокации – речь складывается в эпоху подсемейства гоминин (питекантропы, неандертальцы). В динамике данного процесса, обходя трудности установления фактуры и ее интерпретации, выделяются этапы: а) питекан-

тропы, использующие щелкающие, носовые звуки, употребляющие слова-обозначения предметов, склонные к диалогической речи; в) неандертальцы, владеющие современной артикуляцией, применяющие телеграфный стиль общения, развивающие способность к монологической речи; с) современные люди, полностью владеющие структурными категориями языка при поставленной, непременно расширяемой лексике.

Поскольку в формировании аппарата речи весома роль, с одной стороны, общно-общинных отношений, а с другой стороны, физиологических подвижек – кристаллизация биологического механизма перенесения актов артикуляции из гортани в полость рта, появление языковой мускулатуры и т. д., что в свою очередь влияет на психическую составляющую эволюционной продвинутой – постольку основательно утверждение: развитие психики автономно до известных пределов. До каких именно?

Прибегая к слогу Геккеля, перед нами – капитальные мировые загадки (число которых без труда множится), в отсутствии теории фазовых переходов не позволяющие (пока!?) снять концептуальное разобщение космогонии, антропогонии, социогонии. Перспектива преодоления данной сложности высвечивается на пути Великого объединения этих отсеков познания.

Задача интеграции физического, психического, социального возлагается на ныне складывающийся глобальный

эволюционизм, долженствующий прояснить как возникает, протекает упорядоченное, направленное развитие. Центральное место здесь отводится столь фундаментальным разделам знания, как

1. Квантовая геометродинамика, уточняющая происхождение реальности «из ничего». Помимо прочего она призвана эксплицировать, содержательно поглотить множество интригующих мест современной науки типа картановой проблемы; квантования пространства, времени; континуум-проблемы (независимость континуум-гипотезы по аналогии с независимостью пятого евклидова постулата свидетельствует о возможности иных миров, не описываемых аппаратом аксиоматической теории множеств); основательности хроногеометрических параметров (проблематизируемой скалярно-тензорной теории Бранса-Дикке).

2. Обобщенная теория вектора. Развитие направленно. Феноменологически последнее выражается

а) фактом нарушения симметрии (барионная асимметрия, киральная чистота живого – ДНК имеет форму винтовой линии, закрученной влево);

в) законом Долло (необратимость органической эволюции – закономерность филогенеза).

Между тем каковы причины этого на уровне не феноменологии, а процесса, (пока!) не ясно. Дополнительные возможности открывает реабилитация программы номогенеза, принимающая схему подспудных законов направленных из-

менений. Как представляется, она способна прояснить ряд острых вопросов, связанных со статусом ФФК, антропного принципа, цефализации, запрограммированности (остающейся тайной за семью печатями для эволюционной теории) нашего развития.

3. Психофизика – преодоление психофизического дуализма, выработка адекватных описаний паранормальной психореальности, от наличия которой нельзя отмахнуться. Нerve проблемы в том, что наука отменяет допущение бессубстратного психического (иной подход предлагался В.В. Налимовым²⁵). Психическое имеет привязку к соматической (нуклепротеиды) и социальной (общение, язык, действие) подкладке. Другие предположения – астральное, архетипическое психическое – за гранью научного дискурса.

Обнадеживают искания в направлении разработки

а) нестандартной теории физического взаимодействия с гипотезой опережающих волн;

в) модели параллельных причинно не связанных миров, вступающих в контакт во флуктуациях (что оказывается базой прояснения исторического, личностного двойничества). (В настоящий момент нашей культурной ситуации «двойничество» – предмет не науки, а искусства, редуцирующего большую и больную тему к сюжетам «тень», «раскол героя» – творчество Э. По, Шамиссо, Андерсена, Достоевского, Гофмана, Стивенсона, Е. Шварца);

с) теории нестандартных полей (типа спин-торсионного,

информационно-семантического). (Как, скажем, объяснить, что в 1931 г. англичанка Розмари вдруг заговорила на древнем языке, называя себя Телекой Вентуи, жившей во время правления в Египте XVIII династии – примерно 1400 г. до н. э.).

Возможный многообещающий синтез данных разделов позволит ввести новый образ науки – науки не средства, а цели, в полной мере антропоцентричного телеологического знания.

О чем, собственно, речь? Наука, очевидно, радикально держась установок объективизма, демонстрирует устойчивую идиосинкразию к одному и другому (правда, испытывая затруднения в версификации такого пикантного места, как кондициональные предуготовления разумно-целесообразной жизни, покрывает дефицит объективизма обращением к спасительной иллюзии – тропному антропному принципу (АП)). Между тем когнитивно визируемый наукой объективизм вовсе не отмечает ни антропоцентричной, ни телеологической точки зрения. Начать с того, что непосредственной идейной предтечей объективизма выступает механицизм, в борьбе с архаичным гилозоизмом и анимизмом педалировавший редуccionизм и фундаментализм. Рефлексивный абрис последних наметил Бэкон: опытное расчленение комплексного на элементарное – до далее недробимых качеств с сопоставляемыми с ними «простыми формами». И завершил Декарт: умственное разложение вещи на «простые

идеи» – механические формы. Если Бэкон выделял 19 видов движения, то Декарт – одно, к которому редуцировались иные его типы, – механическое перемещение. Такого рода прием налаживал упрочение «рациональной механики», оказывавшейся конденсатом *lumen naturalis*.

Механистический естественный свет разума до какого-то момента питал развитие знания, однако же, ввиду гиперболлизации проекта «мир как механическая задача», (Даламбер) оказался бесперспективным при концептуализации наводняющих действительность целевых, ценностных, мотивных, достижительных, автоморфичных (целесообразных) связей. (В самой механике невсеобщность описаний, построенных на эксплуатации «действующей причины», заложила предпосылки разработки описаний, построенных на учете «конечной причины» – вариационное исчисление).

На уровне рефлексивной проработки данного положения дела в метасознании кристаллизовалась линия утрирования «телоса», которая обобщенно может быть передана моделями

- Лейбница: мировой универсум членится на ареалы с доминированием причин действующих (механически детерминированные сцепления монад) и целевых (финальных), обуславливающих прогресс монад (мы бы сказали – автоморфичных причин развития, завязанных на *causa finalis*);
- Тейяра де Шардена: троичность мира – «преджизнь (литосфера) – жизнь (биосфера) – разумная жизнь (феномен че-

ловека – ноосфера)» с характерным убеждением: в универсуме преджизни господствует физическая, убывающая по закону возрастания энтропии (тенгенциальная) энергия; в универсуме жизни и человеческой жизни господствует духовная (радиальная) прирастающая эволюцией энергия.

Противопоставление детерминистских кластеров «механическое – целевое» на фоне дискредитации механического редукционизма обернулось тревожной дихотомизацией сфер мира «физическое – психическое», «неорганическое – органическое (надорганическое)», «материальное – нематериальное» с неминуемой телеологизацией. Не стремясь к полноте воспроизводства наследия, сошлемся на платформы:

Сепаратизация – гиперболизация свойств живого

- Шталь: живое управляется душой;
- Блуменбах: в живом есть «формообразующая сила» (ср.

Плотин: в живом – «животворящий дух»);

- Парацельс, Ван-Гельмонт: в живом – «дух жизни» (архей);

• Рейнке: в живом – особые импульсы («доминомы»), управляющие энергиями организма;

• витализм, неовитализм (Дриш, Рейнке, Икскуль, Липман): живое – средоточие энтелехии («живой силы»), разумная жизнь – средоточие «психоиды»;

• органический индетерминизм (Ройзер, Уэлс, Лилли): апелляция к мутационности, эмерджентности, «холистским

полям» как факторам «усиления» организации живого.

Интеграция – последовательный провиденциализм, креационизм, способствующий обеспечению онтологического монизма

- Фома: «...действия вещей, лишенных разума, например природных тел, таковы, что устремлены к некоей цели и всегда или почти всегда ведут к ней наилучшим образом. Отсюда ясно, что их целенаправленность не случайна, а направлена сознательной волей. Но так как сами они лишены разума и не могут сознательно стремиться к цели, их направляет нечто разумное и сознающее; так и стрела направляется лучником в цель. Следовательно, есть некая разумная сущность, направляющая все природные вещи к их цели»²⁶;

- Лейбниц: «... бог сотворил субстанции (монады. – В.И.) и дал им необходимые для них силы... После этого он предоставил уже им самим действовать»²⁷. Действовать по пред-установлению, согласно которому «организм есть повсюду в материи, строение которой проистекает от бога» – «бесконечно всемогущего и бесконечно премудрого творца всех вещей, который с самого начала установил все это, а вместе с этим предопределил будущий порядок и всякое будущее искусство»²⁸.

Медиация – организмическая философия (эмерджентная платформа, холизм), в противостоянии как механицизму, так и витализму разыгрывающая карту организмизации ма-

териального (Смэтс, Мейер-Абих, Ленан, Риттер, Холдейн, Морган, Уайтхед) вплоть до инкорпорации психического в физическое – Александер: идея «низуса» (ср. Посидоний – идея «мировой симпатии»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.